

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2022/2023 учебного года
Муниципальный этап.
10 класс

Аналитическое задание (70 баллов)
Вариант 1(по выбору)

Выполните целостный анализ стихотворения **Олега Чухонцева «Черемуха в овраге»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности образа лирического героя, ритмической и лексико-синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

* * *

Черемуха в овраге. Соловей.
Благоухает та, а этот свищет.
Душе довольно простоты своей,
которая сама с себя и взыщет.

Я, проходя, сперва подумал: Фет,
представил мельком барский пруд, беседку,
но вспомнил и своё: велосипед,
тетрадку в клетку, девочку-соседку.

Я ей писал записки, от чернил
синели пальцы. А она краснела.
Как я несчастлив! Как я счастлив
был своим несчастьем! Но не в этом дело.

А дело в том, что пёрышко с крыла
в те дни мне ангел бросил для отваги,
а по садам черемуха цвела,
и кто-то щёлкал по ночам в овраге.

Что девочка умчалась, так о ней
и слуху нет. А пёрышко осталось.
Легчайшее, как думал дуралей,
да тяжелей, чем думал, оказалось.

Да дух остался, нет, не аромат,
а дух, который веет бесталанно
над тем пиитой, и на поздний взгляд –
единственный свидетель, вот что странно.

1982

*Олег Григорьевич Чухонцев (род. в 1938 г.) - поэт, переводчик, лауреат Государственной премии Российской Федерации (1993).

Вариант 2 (по выбору)

Выполните целостный анализ произведения **Андрея Степанова «Севастопольский вальс»**, приняв во внимание следующие аспекты: авторское отношение к персонажам и способы его выражения, смысл названия рассказа, подтекстовое содержание. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

*А от танцовщицы осталась одна только блеска,
и была она обгорелая и черная, словно уголь.*

Андерсен

Поздно вечером в одном из столичных театров закончился спектакль «Вишневый сад». Рабочие не стали разбирать декорации, потому что на завтра была назначена та же пьеса, а только снесли всё, что можно украсть, в кладовую, развесили костюмы в костюмерной — и ушли.

Костюмы, взбудораженные успехом спектакля, долго шуршали и шелестели, и засыпать стали уже далеко за полночь. Не спали только два ветхих костюма, давно отставленные от сцены и помещённые в отдельный шкаф. Их мучила бессонница и боль во всех швах.

Одним из них был поношенный фрак, все ещё хранивший следы необыкновенной выправки. По старой театральной легенде, этот фрак был пошит некогда для самого Станиславского. Во всяком случае, на руинах его подкладки внизу было написано выцветшими фиолетовыми чернилами: «Станиславский», а дальше шло еще какое-то слово, которое уже трудно было прочитать — что-то вроде «гонобобель». Раньше молодые артисты добивались чести облачиться в этот фрак, чтобы своей собственной кожей прикоснуться к бессмертию, гордо пройти по сцене, сняться на память. Фрак хотели даже отправить в музей. Но вызванный из музея учёный театровед по фамилии Рябчиков усомнился в репутации фрака. По версии Рябчикова, фрак был самый обыкновенный, московшевеевский, а ругательную надпись на подкладке сделал лет сорок назад авангардный режиссер Мухин, ненавидевший классическое искусство.

Столь же печальная судьба постигла старинное белое платье в оборках и рюшах. По преданию, это платье было сшито более ста лет назад для самой Сары Бернар в «Даме с камелиями». Именно в нем парижская колдунья умирала каждую пятницу на подмостках «Комеди Франсэз», а также и во время многочисленных зарубежных гастролей. От постоянных обмороков и страстных объятий платье сильно поистрепалось, и когда стареющая чаровница последний раз посетила Россию, она подарила его юному драматическому дарованию Маргарите Зюкиной. «Сара Иванна», как стали дразнить молодую артистку, тоже не раз украшала платье камелиями, а впоследствии, когда новая власть сочла страдания мадемуазель Готьё буржуазной отрыжкой, надевала его в других спектаклях из хорошей жизни. Доказательством подлинности этой истории служила прекрасно читавшаяся на подкладке французская надпись: «Во что бы то ни стало!» — девиз Сары

Бернар. Впрочем, за этой надписью тоже шло одно слово — чисто русское, из тех, которые россияне иногда употребляют в качестве ненавязчивого артикля.

Увы, и эта красивая легенда была отброшена строгой наукой. Правдолюбец Рябкичов объяснил, что Сара Бернар никогда никому ничего не дарила, потому что отличалась феноменальной жадностью, и всю легенду, видимо, сплела сама Зюкина. А последнее слово на подкладке добавил все тот же Мухин, желавший нагадить Зюкиной, которая в то время была уже дамой элегантного возраста и народной артисткой РСФСР.

Фрак и платье заперли в шкаф, даже не посыпав нафталином, и забыли о них.

— И что они там так шумели? — спросило белое платье, когда в костюмерной стало тихо.

— Говорят, сегодня шесть раз вызывали, — ответил фрак.

— *Fi donc!* Теперь и это считается успехом... На последнем спектакле «Дамы» в Петербурге меня вызывали семнадцать раз. Семнадцать! И я вся была засыпана камелиями, вся! И все платья в зале были такие же, как я. Я перевернула моду в этой варварской стране.

— А скажите, Сарочка, вы действительно помните мадам Бернар?

— Господи, да какая разница! Неужели можно упомнить все тела, которые я носила?

— Но все-таки Сара Бернар — тело особенное...

— Ну, помню, она поначалу была мне как раз впору, и даже шла. Но потом стала жиреть, как все они. Конечно, не так, как эта Зюкина — та под конец превратилась в настоящую белугу и больно растянула мне корсаж. Всё-таки, что ни говорите, Бернар была парижанка.

— А с чем она вас сочетала?

— Она надевала на грудь бриллиантовую слезу, которую выплакал, глядя на меня, Виктор Гюго. Вообще мы с ней обожали бриллианты. У меня бриллианты были везде. Бриллианты и жемчуг. Посмотрите, вот тут, слева, ещё сохранились цветочки, в которые были вставлены жемчужины.

— Да, действительно, цветочки. А вот когда я был дядей Ваней, у меня был такой шелковый галстук...

— Ах, оставьте этот ваш скучный русизм! Что вы можете понимать в галстуках? Впрочем, я всегда охотно играла Раневскую — она, по крайней мере, приехала из Парижа. И уехала туда же, не будь душой.

— А ещё мне так шли сигары...

Сара вдруг громко вскрикнула.

— Что с вами?

— Ох, проклятая моль! Сколько лет не могу привыкнуть к этим тварям!

Ну вот, новая дырка.

Она была неподдельно расстроена.

— У вас прореха под сердцем, как от пули, — пошутил фрак.

— Это вы так шутите? Казар-рменная острота! Да разве вы можете сказать хоть что-то изящное... Вы и по-французски-то знаете три слова.

— А вы, конечно, больше. Ну-ка, скажите: «швабра».

— Не буду я с вами говорить.

— Потому что не умеете, Сара Иванна.

— Вы наглец!

— А вы лгунья! Можно подумать, что вы действительно помните Бернар!

— А можно подумать, вы помните Станиславского!

— Да, помню, мы играли дядю Ваню, и у меня были прекрасные галстуки!

— Этот дядя — сюртук, а не фрак! А я помню — бриллианты, бриллианты, бриллианты!

— Не было никаких бриллиантов!

— Были!

— Не было!

— Вы гадкий, гадкий, вы хуже, чем Рябчиков! Вы были пошиты, когда Станиславский уже умер! Вот вам!

— Врете вы, ветошь!

— Да, да, вас пошил перед самой войной Аркашка Кацнельбоген! Главный портной ТЮЗа! Это его подпись стоит у вас на подкладке!

— А вы всю жизнь носили Зюкину, Зюкину, Зюкину!

— И вы играли в ТЮЗе буржуинов в «Мистере-Твистере», пока вас не выгнали за винные пятна! И чтобы попасть сюда, вы прикинулись Станиславским!

Старый фрак ничего не ответил. Он сразу как-то весь обмяк и сгорбился на своей вешалке: это была правда. Повисла долгая пауза.

— Нет, не всю жизнь, — вдруг сказала Сара. — Один раз она уступила меня Машеньке Мезье. Это было в Севастополе, на гастролях.

— Да, верно! — сразу расправился Станиславский. — А вы помните — как раз тогда мы и познакомились!

— Мы с вами? Ах да, точно! Прямо на сцене! Послушайте, но когда же это было?

— Это было... Позвольте... Это было ровно пятьдесят восемь лет назад, день в день.

— Ах, не может быть!

— Да, 6 июня 1949 года. Зюкина в тот день заболела, и вы надели Машеньку. А я тогда носил молодого Теймураза Гогоберидзе.

— Да-да, вам очень шло. Артист сидел как влитой. И вы ёще меня так схватили порывисто, страстно, и — смяли. Дуняша еле разгладила меня потом.

— А помните, нас тогда пригласили в ресторан после спектакля... Сам Белый Китель позвал.

— Да, и мы пошли прямо со сцены, я была в Машеньке и в шляпке.

— И мы танцевали с вами вальс на веранде, у моря...

— «Севастопольский вальс»!

— И море было все залито огнями...

— ...желтыми, синими, красными...

— ...и огромный военный корабль проходил мимо...

— Как он назывался?

— Линкор «Новороссийск»!

— Да, да, а потом мы с вами пошли в номер...

— Эх, что вспоминать... Я... я плачу.

— Ну что вы, Сарочка, успокойтесь!

— Сейчас... Подождите... Я сейчас... А Зюкина... Она была ужасна... Я от неё чуть не трескалась в последние годы... У меня так болят швы... И ещё эта проклятая моль... Ах, почему я не могу сжечь себя! Я бы сгорела на сцене!

— Послушайте, Сара, а давайте станцуем еще один вальс, последний!

— Вальс? Сейчас?

— Ну да, сейчас — и прямо на сцене!

— Но я же совершенно не одета! Туфельки... Мантилька... Артистка...

Но впрочем, если вы настаиваете, почему бы нет?

— Тогда позвольте ваш рукав. Наш выход, мадам Бернар!

И Станиславский порывисто шагнул вперед, — так, что плечики, его державшие, отлетели куда-то в сторону. Он широким жестом распахнул дверцу шкафа, подал рукав Саре, и они торжественно вышли в костюмерную.

По рядам костюмов, висевших на большой общей вешалке, прошел ветерок. Кто-то захихикал:

— Смотрите, смотрите! Гонобобель идет!

— Значит, их ещё мыши не съели?

— Скорее не доели, коллега.

— Ах, не дай бог дожить до этих лет! — вздохнула средних лет шляпка с пером.

Но Константин Сергеевич шествовал, гордо расправив плечи, не обращая ни малейшего внимания на эту возню: он шёл на сцену. Складки его расправились, как будто их вновь наполнили мускулы Теймураза Гогоберидзе, а согнутый рукав отстоял от нижней пуговицы ровно на восемь сантиметров, как и положено по неписаным законам большого света. А Сара, чуть опираясь на этот рукав, летела за ним, подобно желтовато-бледной бабочке-капустнице.

Перед самым выходом на сцену фрак вдруг наклонился и подобрал искусственную гвоздику, пылившуюся среди сваленного в углу большого реквизита. Он поднес её партнерше, и та прикрепила её к корсажу. Затем они вместе, единым движением, откинули портьеры, и перед ними предстал чёрный провал.

Вдоль ярусом чуть теплились электрические свечи. Огромный зал поблескивал малиновым бархатом, тёмным золотом отсвечивали ложи. По сцене гулял пьянящий закулисный ветер, и пахло той театральной пылью, запахом которой никогда не забыть артисту.

Они медленно, как во сне, вышли на авансцену.

— Ах, сколько лет я не видела эти ложи... — прошептала Сара. — Вон там, в главной, два раза сидел сам Белый Китель Со Звездой. Я даже со сцены чувствовала, как от него несёт табаком. А оттуда, из боковой, часто торчал красный галстук его дочки.

— Да-да, и портьеры всё те же. А это что — смотрите!

Он обернулся, указывая на декорации. Перед ними была детская, и цветущие вишневые деревья ломались в открытые окна.

— Сад!.. Садик мой! — ахнула Сара, узнавая.

— Да, первое действие. Ах, Сарочка, когда-то мы с вами играли в этих декорациях, а теперь, как ни странно, мне сто пять лет.

— Вы опять врете!

— Я не вру, я играю. Но оставим все это, не будем ссориться — разве мы за этим сюда пришли? В сущности, вы были моей единственной в жизни любовью.

— А если так — то вальс!

— Вальс!

— Но как же без музыки?

— Ах, Сара, музыка внутри нас.

Он поклонился и церемонным жестом выгнул рукав, как бы пытаясь обнять партнершу. Сара сделала реверанс и оперлась на него, откидываясь немного влево и назад.

В сонной тишине театра беззвучно, но отчётливо прозвучали аккорды вступления. Пара двинулась и, покачиваясь, как лодка в предвкушении бури, медленно заскользила по черноморской волне.

Звучал «Севастопольский вальс» в исполнении Георга Отса:

Тихо плещет волна.

Ярко светит луна.

Мы вдоль берега моря идём...

Но вот прошли медленные такты и взвился припев:

Севастопольский вальс!

Помнят все моряки!

Разве можно забыть мне вас,

Золотые деньки?

И закулисный ветер, словно только сейчас расслышав музыку, внезапно налетел на них, подхватил и понёс. Фалды фрака вились, как ленты бескозырки, а подол платья трепетал рядом, как флаг. Они оторвались от земли и закружились на фоне цветущих вишен.

И в этот миг вдруг качнулась и вспыхнула, сверкнув сразу всеми своими хрустальными подвесками, главная люстра. В царской ложе поднялся во весь рост Белый Китель Со Звездой и беззвучно ударил в рукава. И по этому знаку театр наполнился публикой. Военные френчи, блистающие орденами, вечерние платья, усыпанные бриллиантами, чёрные костюмы с галстуками, рабочие спецовки с красными значками — все яростно и беззвучно хлопали пустыми рукавами в такт неслышному вальсу.

А чёрно-белая пара кружилась всё быстрее и быстрее, сливаясь в едином вихре и поднимаясь к невидимому потолку сцены. Они были уже почти на самом верху, когда в тишине театра вдруг послышался треск разрываемой материи — это у фрака отлетела фалда. Потом треск повторился — второй и третий раз. Платье и фрак стали трещать по швам и разлетаться на клочки. В разные углы сцены летели пуговицы, манжеты, подол юбки, лацканы фрака. Вихрь истончался — и вдруг распался совсем. Но ещё мгновение казалось, что в воздухе продолжают кружиться две невидимые фигуры.

А потом погас свет.

Наутро уборщица, которая первой пришла в театр, увидела, что по всей сцене кто-то разбросал ветхие тряпки — белые и чёрные, а у самой рампы бросил помятую искусственную гвоздику. Ругая артистов и заодно скрягу-завхоза, она отнесла ветошь к себе в подсобку, чтобы потом пустить её в дело, а гвоздику почему-то положила к портрету артистки Зюкиной, висевшему в фойе.

2009

*Андрей Дмитриевич Степанов (род. в 1965 г.) — доктор филологических наук, литературовед, писатель, переводчик.

Творческое задание (25 баллов)

В знак высочайшей общественной значимости профессии учителя 2023 год — год 200-летия со дня рождения одного из основателей российской педагогики Константина Дмитриевича Ушинского — будет посвящён в нашей стране учителям и педагогам. Вспомните произведения русских писателей, в которых показана личность учителя. Укажите их названия произведения, авторов. О каком учителе Вам хотелось бы рассказать? Представьте, что Вы учитесь в классе у такого педагога. Чему Вы смогли бы у него научиться? Какие человеческие качества учителя Вы считаете наиболее привлекательными в 21 веке? Есть ли они в педагоге, о котором Вы хотите рассказать? Напишите статью для школьной газеты об этом учителе, придумайте название.

Соблюдайте композиционное построение статьи, соответствие заголовка теме и описываемому материалу. Объём работы – от 150 слов.